

В. П. АВЕНАРИУСЪ.

СКАЗКА
О
МУРАВЬ-БОГАТЫРЬ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Издание редакціи Журнала «РОДНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1883.

Василий Петрович Авенариус

Сказка о муравье-богатыре

В книге «Сказка о муравье-богатыре» людей нет, ее герои - обыкновенные муравьи.

В современной орфографии.

Содержание

#1	0006
I. ЖАТВА	0006
II. ПОТОП	0013
III. МУРАВЕЙ-БОГАТЫРЬ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК	0019
IV. НАБЕГ	0026
V. ДВА АТАМАНА	0031
VI. В КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ	0039
VII. МУРАВЬИНОЕ ВЕЧЕ	0049
VIII. РАЗГРОМ КОРОВНИКА	0057

Василий Петрович Авенариус

Сказка о муравье-богатыре

I. ЖАТВА

Было время жатвы - как у людей, так и муравьев-земледельцев. Вся нива у подножия муравейника кишела муравьями-жнецами. Одни из них сидели на верхушках колосьев и своими острыми челюстями, как серпом, срезали стебельки спелых зерен дикого риса. Другие ждали у корней колосьев, подхватывали срезанные зерна и, тут же очистив их от пленки, уносили в склад.

Между полосами хлеба были проведены правильные дорожки, которые лучами сходи-

лись к главным воротам муравейника. По краям дорожек, на определенных дистанциях, были временные склады зерен. Срезанные зерна доставлялись жнецами от колоса только к первому складу. Отсюда другие муравьи, носильщики, перетаскивали их далее, к следующему складу. Так, от склада к складу, зерна поступали, наконец, на руки муравьев-магазинщиков, у входа в муравейник, а те относили их уже внутрь муравейника, в зимние амбары и кладовые.

Вся работа эта производилась мелкими, пепельно-черными муравьями. Но они не были хозяевами муравейника. Хозяевами были крупные, бронзово-рыжие муравьи, которые всей компанией лениво нежились на солнышке, на пологом скате муравейника. Отсюда, с вышины, им удобно было обозревать всю площадь нивы и наблюдать за чернорабочими.

Между отдыхающими рыжими хозяевами отличалась необычайной величиной и дородностью одна особа. Она, как видно, пользовалась особенным почетом, потому что возлежала на душистом коврикe - розовом ле-

пестке. То была родительница всех окружающих рыжих, мать-муравьяха.

И покой ей, точно, был нужен. Все утро пошло у нее на кладку яиц. Не десяток, не сотню и даже не тысячу яиц положила она: десять тысяч штук ровнехонько! Близкая к обмороку, выбралась она на вольный воздух, отдышаться. Благо есть целый полк опытных дядек из той же трудолюбивой породы мелких чернорабочих: из яичек они выведут личинки; свернется личинка в кокон - ждут-пождут, сколько нужно, а там выпустят из кокона уже готового, как есть, муравья. О, они знают также свое дело!

Пригретая солнышком, мать-муравьяха вздремнула было немножко. Очнувшись, она потянулась своими шестью пухлыми ножками и, щурясь от света, окинула все поле сонным взглядом.

- Это кто же там, детушки? - с сладким зевком спросила она, кивая усом вдаль. - Ведь это из нашей же братии, рыжих?

Она не ошиблась. Вдали, куда указывала она, среди мелких чернокожих жнецов, резко выделялся своим крупным ростом и золоти-

сто-бронзовую шкуркой благородный рыжий муравей.

Взобравшись на верхушку колоса, он с видимым удовольствием обгрызал цветоножки зерен. Но, благодаря своему росту, своей силе, он работал втрое быстрее чернорабочих. Задними ножками он держался за стебель, передними притягивал к себе то или другое спелое зерно; притянув, начинал крутить его на цветоножке, потом разом обгрызал цветоножку, сам сдирал с зерна пленку и очищенное уже таким образом зерно бросал вниз. Приставленные к колосу чернорабочие муравьи едва поспевали поочередно относить сброшенные зерна к ближайшему складу.

- Да, это Грызун, - отвечал на вопрос муравьихи один из отдохавших тут же рыжих муравьев. - Зубы, знать, чешутся.

- Недаром же и назван Грызуном, заметила муравьиха. - Чуть вышел из кокона, как дядьке своему уж руку отгрыз. Зачем? спросите-ка. Да вот так, здорово живешь. Крикните-ка его сюда.

- Грызун! а, Грызун! - крикнули хором свитские.

Грызун, сидя на колосе, оглянулся: его требовала родная мать.

Как послушный сын, он беспрекословно спустился наземь и отправился восвояси.

- Ты что же это там делал, баловник? - встретила его вопросом муравьяха.

- Работал, маменька, - просто отвечал Грызун, отирая потный лоб.

- Работал! Да ты знаешь ли, что значит работать? Это значит - не так вот, как ты сейчас, в зерна-мячики играть: это значит - круглый год наблюдать, чтобы семя, заготовленное на посев, не подмокло, перевертывать его, обли-зывать, в сухую погоду выносить на воздух. Это значит - в поте лица обрабатывать поле: прошлогоднее жнитво выгрызть, землю взрыхлить и вновь засеять, а покажутся всходы - выпалывать сорные травы, поддержи-вать дорожки...

- Все это я готов делать, если нужно...

- То-то вот! Хорошо, что прибавил: «если нужно». На что же у нас чернорабочие? Ты у меня, не забудь, голубчик, благородный ры-жий муравей, коренной земледелец.

- Да потому-то самому, маменька, что я ко-

ренной земледелец, мне и следовало бы, кажется, служить примером пришлым чернорабочим.

Между рыжими свитскими кругом послышался сдержанный смех. Сама мать-муравьица, несмотря на свою полноту, приподнялась на локоть.

- Хорош мальчик! - сказала она. - Свободный муравей-плантатор хочет служить примером, и кому же? невольникам-неграм!

- Но ведь и у людей негры уже свободны... - позволил себе возразить Грызун.

- Нашел с кем сравнивать! Когда род людской рыскал еще по дремучим лесам, питался дикими плодами и кореньями, мы, рыжие муравьи, имели уж свои благоустроенные муравейники, возделывали поля; а бурые муравьи-скотоводы завели уже свой молочный скот. Но кроме этих двух высших пород - рыжих и бурых, солнцу угодно было произвести на свет и муравьиную чернь. И в какой же цвет оно окрасило их? В черный - в цвет рабства. Как же нам было не принять этого дара неба?

- Да как-то совестно, право... - проговорил

Грызун. - Они - мелкие, слабые, работают и на себя, и на нас; а мы - крупные, сильные, сидим себе, сложа руки. На что же нам дана наша сила?

- Как на что? А как же мы добыли себе этих рабов? Силой.

Не будь я так занята в детской, клянусь солнцем, я шла бы впереди вас. Вы, рыжие дети мои, прежде всего - воины. Не забывайте этого. Военские подвиги, воинская слава - вот ваше прямое призвание. И сам ты, сынок, не раз уже выказал свою молодецкую удаль. А после подвигов не грех и отдохнуть на лаврах.

II. ПОТОП

Между тем, набежала грозовая туча и закрыла солнце. Блеснула молния и загремел гром. Буйный вихрь, гоня перед собой столб пыли, налетел на муравейник. Несколько рыжих муравьев взбросило на воздух. Мать-муравья ухватилась было за свой коврик, но вихрем ее стряхнуло с розового лепестка, и самый лепесток унесло невесть ку-

да.

- Домой, домой, детки! - заторопила муравьяха, и, поддерживаемая Грызуном, начала спускаться под гору.

Вовремя еще достигли они городских ворот. Грызун остановился под воротами.

Боже праведный! это уж не гроза, а буря. Ветром неистово трясло и гнуло вокруг деревья, срывало не одни листья, но и целые ветви и крутило их в воздухе, как в бешеной пляске.

А бедные малютки - жнецы!.. Застигнутые врасплох, они также искали теперь спасение. Схватив каждый по зерну, они вперегонку бежали к муравейнику, под родную кровлю. Но ветром их то и дело валяло с ног, вырывало у них из рук тяжеловесные зерна.

Вдруг с оглушительным грохотом и треском сверкнула ослепительная молния. Вслед за тем полил дождь, как из ведра.

Потоп! В две минуты, вся нива перед муравейником обратилась в бурное море. Подхваченные волнами жнецы храбро боролись с ним. Но ветром кидало их между колосьями из стороны в сторону, а сверху хлестало бес-

пощадным ливнем. Они захлебывались и, как за последний якорь спасения, цеплялись за колосья. Но и колосья прибывало к земле, заливало водой.

Новым порывом ветра обломило с ближнего дерева большой сук. Покружившись над муравейником, он упал прямо в бушевавшее над нивою море. То, что в другое время было бы для муравьев бедой, теперь оказалось для них счастьем. Барахтавшиеся среди потопленных колосьев чернокожие жнецы живо, один за другим, вскарабкались на спасительный сук. По нем уже они, без особых усилий, добрались до боковой ветки, ближайшей к муравейнику. Но отсюда до твердой почвы на муравейнике было еще с добрых двадцать муравьиных шагов. Как быть? Растерянно бежали жнецы взад и вперед по ветке.

Но помощь была уже близка. Грызун смело вышел из-под ворот под самый ливень и ступил в воду. Благодаря его высокому росту, вода доходила ему не выше пояса. Крошки-жнецы, заметив избавителя, столпились на самом кончике ветки. Только добрался он до них, как уже несколько жнецов наперерыв

вскочило к нему на голову, на шею, на спину. Как атлет-акробат, перенес он их всех на сушу. Затем отправился за новой партией. Так переправил он постепенно всех жнецов, успевших своевременно спастись на суку.

Тут грянул страшный гром, и молния ударила в самый муравейник. В том месте, где прошла она в землю, свод муравейника треснул и провалился. Сквозь провал открылся теперь ливню свободный доступ.

Когда подбежал туда Грызун, чернокожие муравьи из жнецов и носильщиков обратились уже в землекопов и инженеров. В числе их были и те, которых он спас сейчас из воды. Молнией кого из них обожгло, кого оконтузило. Но не думая уже о себе, всякий хлопотал только о спасении муравейника. Одни тащили глину да известь, сосновые иглы да камешки для укрепления свода, другие - тоненькие былинки да прутья - эти муравьиные бревна для предупреждения дальнейшего обвала. И все-то это были опять-таки одни слабосильные чернорабочие, пришлый народ! Муравьи-хозяева, рыжие силачи, беззаботно укрывались где-то в отдаленных кварталах...

- Нельзя ли мне вам пособить, братцы? - спросил Грызун, подходя к группе чернокожих.

Они копошились около длинного прутика-бревна, тщетно силясь его приподнять.

Маленькие труженики с удивлением расступились: благородный рыжий муравей хочет помочь им в их черной работе!

Для Грызуна бревно было как бы перышком. Он разом поднял его стоймя.

- Потолок подпереть тут? - спросил он.

- Точно так, ваше благородие.

- Ты что там опять делаешь, сынок? - раздался укорительный голос.

По ту сторону обвала стояла, подбоченясь, мать-муравья. За нею теснилась вся рыжая свита. Грызун смешался.

- Помогаю... - пробормотал он.

- Не твое дело, дружок.

- Да, ведь, пока, маменька, нас всех зальет...

- Не зальет. Дождя уж нет.

И точно, гроза натешилась, набушевалась вдоволь. Столь роковой для муравейника громовой удар был ее последним вздохом. Те-

перь дух у нее заняло и она разом присмирела. Сквозь отверстие провала синел уже вверху клочок ясного неба.

- Пропустите-ка, ребята, - сказала мать-муравья и, переваливаясь с боку на бок, перелезла по земляным гудам через место обвала. - Помоги-ка мне, милый, выйти на воздух. Здесь все еще душно что-то...

Грызун взял ее опять под руку и вывел за ворота на вольный воздух.

III. МУРАВЕЙ-БОГАТЫРЬ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Тут вот и присядем на завалинке... - говорила, вся запыхавшись, мать-муравьяха. - После грозы-то дух какой чудный.

Грызун молча расположился около.

- Что ты, сыночек, будто не весел? - спросила муравьяха.

- Мало веселья! - со вздохом отвечал он. - Сколько народу-то даром погибло! Вон, по всей ниве их раскидало...

Дождевая вода, затопившая давеча ниву, понемногу всочилась в рыхлую почву. Кое-где лишь стояли еще небольшие лужи. Но среди поваленных полос хлеба чернелись бездыханные тела потонувших жнецов. Далеко не всех, стало быть, удалось спасти ему, Грызуно!

- Эка беда! - заметила муравьяха. - Невольники! Их всегда добыть можно.

- Да ведь они для нас же, маменька, трудились! - воскликнул Грызун.

- А тебе, небось, и жалко стало? Ты - воин,

сын мой: ты должен закалить свое сердце! Завтра же, может статься, придется тебе разорять опять муравейник их братьев, чернокожих. А можно ли сражаться, если будешь слушаться своего глупого сердца?

- Коли придется сражаться, так за себя, конечно, постою, отвечал Грызун. Да славы-то мало воевать с этой мелюзгой. Вот попадись мне равный или даже более сильный противник, какое-нибудь крылатое чудище, что ли...

Из лесной чащи донеслась звонкая соловьиная трель.

- Помяни нечистого, и он уж тут как тут, - прошептала муравьяха, дрожа всем своим тучным телом. - Вишь, как заливаается! Колокольчик, да и только. А на деле-то - самый лютой враг всего живущего, тот самый Соловей-разбойник, о котором столько песен сложено. Только не народился, знать, еще тот муравей-богатырь, который осилил бы злодея.

Грызун молча поднял с земли грузную былинку-дубинку и завертел ею над головой.

Мать-муравьяха с снисходительной усмешкой наблюдала за этим гимнастическим упражнением.

- Уж не ты ли, Грызунчик, тот самый муравей-богатырь?

- А что вы думаете? - задорно отвечал он и молодецки замахал дубинкой.

- Нашей-то братии, муравьям, пожалуй, и не устоять перед тобой, - продолжала муравьяха, - но этому чудищу поганому, Соловью-то разбойнику, удар твой разве за щелчок покажется.

Она была права. Грызун с досады швырнул дубинку далеко от себя. Летя с вышины, дубинка подпрыгнула раза три-четыре по скату и сбила при этом с ног партию чернорабочих, тащивших из муравейника подмоченные хлебные зерна, муравьиные яйца и коконы.

- Ловко! - сказала муравьяха.

Грызун, застыдясь, отвернулся.

Весь скат муравейника, обращенный к солнцу, покрылся уже, между тем, зернами, яйцами и коконами, вынесенными сюда для просушки. Соловей точно выжидал только этого. Весело щелкнув, он спустился вдруг на муравейник и принялся клевать яйца и коконы. Чернорабочие муравьи вздумали было защищать своим телом хозяйское добро, но

крылатый разбойник одним ударом клюва укладывал их на месте; потом с прежним аппетитом продолжал начатый обед.

Мать-муравьяха и вся рыжая ее свита просто оцепенели от ужаса. Грызун оправился первый.

- За мною, братцы! - вскрикнул он и бросился на злодея.

Воодушевленные его примером, остальные рыжие кинулись вслед за ним. По ногам соловья они, как матросы по корабельным мачтам, мигом вскарабкались до туловища прожорливой птицы. Здесь они зарывались ей в пух под крылья, под шею, впивались ей в кожу, в мясо.

Испуская жалобные крики, раненый разбойник взвился на воздух и стрелой умчался прочь, унося на себе Грызуна и его товарищей.

- Теперь долой, братцы! - крикнул опять Грызун.

Стремглав прыгнул он с страшной высоты наземь. Товарищи сделали то же. Благодаря упругости муравьиного тела, ник-то не расшибся. Вскоре вся ватага была опять на мура-

вейнике.

- Ай да молодцы! - похвалила их мать-муравьяха. - А тебе, Грызун, первое спасибо! Ты настоящий богатырь... Ура нашему муравью-богатырю!

- Ура! - дружно подхватило толпившееся кругом рыжее и черное население муравейника.

- Благодарю, господа... - говорил Грызун, невольно тронутый таким общим к нему расположением. Я сделал только то, что в следующий раз сделает, конечно, всякий из вас.

- Но твой был почин, а почин дороже денег, - сказала муравьяха. - Так как, однако, вы, детки мои, все тут в сборе, то не обсудить ли нам кстати теперь же одну неотложную меру? Две кары небесные посетили нынче нас: потоп и Соловей-разбойник. И от того, и от другого, рабочее население наше поубавилось чуть не наполовину. Жатва наша от ливня также сильно пострадала. Придется тащить зерно из-за тридевять земель. А для этого опять-таки нужны рабочие руки. Где взять их?

- Набег на чернокожих! - пронеслось громко, как из одних уст, по всей многоты-

сячной толпе. И черные невольники, наравне с своими краснокожими господами, признавали неизбежность такого набега.

- Все, кажется, за набег? - продолжала муравьяха. - Но для успеха дела нужен, прежде всего, умный и ловкий начальник. Кого же мы на сей раз выберем в атаманы летучего отряда?

- Муравья-богатыря! Грызуна! - заревел опять весь народ, и Грызуну оставалось только поклониться на все стороны почтившему его так народу.

IV. НАБЕГ

Отстояла страна чернокожих муравьев от муравейника рыжих часа на три пути. Набеги туда за свежими невольниками производились довольно часто. Грызун, в качестве простого волонтера, и прежде не раз участвовал уже в них, и потому теперь, когда ему было поручено начальство над летучим отрядом, он знал, как провести отряд самым ближним путем.

А путь был не из легких. Приходилось перелезть через горные кряжи аршина в два вышины, опускаться в глубокие пропасти-промоины в аршин глубины. От вчерашнего ливня промоины эти еще не обсохли, так что надо было цепляться друг за друга в виде живого моста и по этому мосту уже перебираться на тот берег.

Несмотря, однако, на все эти препятствия, ровно через три часа, летучий отряд форсированным маршем достиг пределов страны чернокожих. Страна эта представляла зеленую полянку, на самой середине которой была темная впадина - главные ворота в подзем-

ную столицу. Как племя низкорожденное, чернокожие селились глубоко под землей. Сходясь и переплетаясь искусным лабиринтом, все подземные улицы и переулки направлялись к главному проспекту, который выходил уже к воротам, на поверхность земли. Ворота были открыты; но денно и нощно расхаживал перед ними усиленный караул.

На краю полянки Грызун остановил свой отряд. За высокою травой их не видать было черным караульными; но чутье всей вообще муравьиной породы куда тонко, а своеобразный запах муравьиного тела, вроде запаха свежего уксуса, слышится уже издалека; притом ветер дул в сторону муравейника, так что черные караульные разом подняли кверху носы.

- Рыжие идут! - гаркнули они в один голос, и грозная весть, как по телеграфу, пробежала по всем ходам и переходам в отдаленнейшие закоулки подземного муравейника.

- Рыжие идут!

Хорошо, слишком хорошо знали чернокожие, что значит непрошенный визит рыжих башибузуков, и храбро высыпали навстречу

врагам в открытое поле.

Тем временем Грызун расставил свое небольшое, но лихое войско в боевой порядок. Потом прошелся по фронту.

- Слушайте, ребята! - заговорил он. - Бойни нам не нужно. Они муравьи, как и мы. Щадите их, сколько возможно, а станут уж слишком напирать, так бейте легонько по щекам, чтобы повадки не было. Поняли, ребята?

- Поняли, ваше в-скородие!

Атаман подозвал к себе знаком флангового муравья, ловко вскочил к нему на спину и, молодецки гарцуя, повел свое войско в атаку.

А в это самое время густою, черною волной катилась навстречу им малорослая рать чернокожих. Малорослы были они, правда, но числом много превосходили атакующих, а озлобление на последних удвоило еще их силы. Сплошным кольцом обхватили они сомкнутый строй рыжих и вдруг всею массой бросились в рукопашную. Рыжие великаны, послушные наказу молодого атамана, слегка только отбивались, и все-таки передние карапузы тотчас же падали под меткими щелчками. Но сзади лезли неудержимо все новые и

новые малютки и хватались за ноги великанов. Барахтается великан и не может хорошенько повернуться, а те, раззадоренные, озлобленные донельзя, как дернут все разом - так и свалят его с ног! Тут ему и пиши пропало: вскарабкаются они на плечи, на затылок и давай его пронизывать, как острыми кинжалами, своей едкой муравьиной кислотой.

Рыжие дрогнули. Один атаман-богатырь не потерялся. С высоты своего муравья-коня он мог обозреть все поле битвы. Не оставалось сомненья, что еще минута - и войско его будет опрокинуто.

- Не плошай, ребята! - зычно крикнул он на все поле. - Они напрашиваются на гибель - так будь по-ихнему! Руби с плеча!

И с этими словами он ринулся в самый пыл битвы. То не был уже простой муравей, то был сам Илья Муромец. Соколом летает он над вражьей силой, и куда махнет, там улица, куда перемахнет, там переулочек.

Участь боя была решена. Вся полянка кругом была усеяна телами чернокожих. Уцелевшие от побоища врассыпную пошли наутек. Рыжие бросились было в погоню, но атаман

остановил их:

- Назад, братцы! Будет с них этого урока.

Лихо подбоченясь, подъехал он на коне своем к городским воротам; затем подал знак рукой: беззащитный город отдавался солдатам на разграбление. Весь летучий отряд исчез в глубине муравейника. Но вот в воротах снова показались победители. Каждый из них возвращался с добычей: кто, как бурлак, тащил на спине куль коконов, у кого на руках барахтался смуглый детеныш. Сидевшие дом во время боя чернокожие дядьки бежали теперь вслед за своими питомцами. В отчаянии, с мольбою цеплялись они за фалды похитителей. Но удержать последних в победоносном шествии у мелкоты этой не хватило сил.

Горе побежденным! И слава победителю...

Отчего же он, сам-то победитель, молодой атаман-богатырь, поник вдруг буйной головой?

В. ДВА АТАМАНА

Что замечтались, полковник?

Так спросил, под самым ухом Грызуна, насмешливый голос. В то же время чей-то ус фамильярно тронул его по плечу.

Грызун с высоты своего муравья-коня искося оглядел вопрошающего.

То был одного с ним роста силач-муравей. Но силач этот не был из породы рыжих. Цвет кожи у него был бурый и на груди у него красовался ярко красный щиток.

- С кем имею честь?.. -сдержанно спросил в ответ Грызун.

- Такой же атаман, как и вы, полковник, только племени муравьев-скотоводов. Зовут меня Сосуном, а прозвание мне - Губа-не-дура.

- Очень рад, - вежливо промолвил Грызун и, в свою очередь, назвал себя.

- Муравей-богатырь? - переспросил Сосун. - Что ж! прозвище, мне кажется, вами вполне заслуженное. Вон с того дерева я наблюдал за всем ходом боя. Вы работаете удивительно чисто. А при всем том, скажу... все-таки...

- Что все-таки?

- Вы не обидитесь, полковник? Я говорю с вами, как равный с равным...

- Говорите.

- За что столько погубили муравьиных жизней?

Он указал на поле сражения, усеянное телами черных, а кое-где и рыжих муравьев.

- Да коли без этого было нельзя?..

- Будто нельзя? Вам требовались невольники, не так ли?

- Так.

- А без них вы разве не могли обойтись?

Разве вам самим не сладить с вашим хозяйством?

Новый знакомец высказывал именно то, на что он сам, Грызун, еще намедни намекал матери-муравьихе. Но та пристыдила его на первых же словах перед всей компанией рыжих. Мелочные заботы о куске хлеба, о детях лежали на обязанности мелкоты-рабов. Он же был благородный воин...

- Я, прежде всего, воин и исполнял свой долг... - заговорил он.

- А между тем, все же находите нужным оправдываться? - заметил, усмехаясь, Сосун. - *Qui sexcuse - saccuse, monsieur.* (Извиняешься - так значит, виноват, сударь). А давеча, вместо того, чтобы ликовать по случаю своей победы, вы были так подавлены, убиты, будто сами потерпели поражение. И я вам объясню причину: в душе вы точно потерпели поражение. Вы должны были втайне сказать себе, что без надобности принесли в жертву сотни себе подобных.

- Вовсе не себе подобных! - перебил запальчиво Грызун и собирался еще что-то добавить, но внезапно замолк.

Мимо их дефилировал уже арьергард рыжих грабителей. В то время показался один рыжий силач с непосильною ношей: он волок за собой большущий кокон. Трое мелких чернокожих вцепились сзади в рыхлую оболочку кокона и тем еще более затрудняли движение грабителя.

- Сейчас пустите его! - коротко и повелительно крикнул карапузам Грызун.

- Никак, сударь, невозможно-с! - плакались те в ответ. - Это царский детеныш... будущая принцесса и мать чернокожих... Насквозь даже слышно, как дышит голубушка, как бьется...

- В последний раз говорю вам: пустите! - грозно объявил Грызун.

- Ее-ей, не смеем... Мы ведь дядьки ее...

Грызун, без дальних разговоров, соскочил наземь. Через мгновение все три малютки-дядьки кубарями разлетелись по сторонам. Но, увы! и самой принцессе их пришлось плохо. Держались они, видно, за оболочку кокона слишком крепко; тонкая оболочка порвалась; заключенная внутри крошка-муравьи-ха, корчась и извиваясь, выползла на-

ружу.

Грызун бережно поднял ее с земли и передал с рук на руки тому самому рыжему, что притащил ее в коконе.

- На вот, неси дальше. Только смотри у меня, не помни!

- Виноват, полковник, - вмешался тут Сосун, молча наблюдавший до сих пор за всей сценой. - Что, скажите, станется с этой бедняжкой?

- То же, что с другими, - отвечал Грызун, - мы ее вырастим, а потом...

- А потом завалите работой?

- Ну, разумеется.

- Да что вам в одном-то лишнем рабочем? А здесь, дома у себя, как мать-муравья, она положила бы сотню тысяч яиц и из них вышло бы столько же трудолюбивых чернокожих...

- Которых мы в свое время могли бы также увезти в неволю? - смеясь, подхватил Грызун. - Что правда, то правда! Что выгоднее: один ли рабочий теперь или, немного погодя, сто тысяч их? Конечно, сто тысяч. Да, разница большая.

Он кивнул ближайшему из трех чернокожих.

- Подойди-ка сюда, любезный. Возьми обратно свою принцессу. Донесешь ли?

- Донесем-с. Много благодарен, сударь...

И, сгибаясь чуть не до земли под живою ношей, он скрылся за воротами муравейника. Товарищи собирались было последовать за ним. Грызун остановил их:

- Вы куда, чумазые? Назад!

Потом указал на них своим двум рыжим подчиненным: грабителю и тому, что служил ему, Грызуну, конем:

- Отвести их, куда следует.

Пленники бухнули в ноги победителю:

- Батюшка, не губи!

- В самом деле, что вам толку-то в них? - вступился опять Сосун. - Что из малых детенышей вы можете воспитать себе послушных слуг - это я понимаю. Но взрослые враги всегда будут врагами...

- Да, чего доброго, возмутят и послушных, - досказал Грызун. - Справедливо. Ну, любезные, благодарите Бога и вот этого господина. Налово кругом, марш!

Пленники не дали повторить себе команды и побежали без оглядки.

- И вы ребята, ступайте-ка домой, - обратился Грызун к своим двум подчиненным, - скажите, что скоро буду.

Атаманы остались одни.

- Мне, признаться, хотелось еще побеседовать с вами, - сказал Грызун своему новому знакомцу. - Ваше бурое племя считается у нас, между муравьями, наравне с нашим рыжим. Но скажите, неужели вы вообще обходитесь без рабов?

- Вовсе.

- Правда, у вас куда меньше дела...

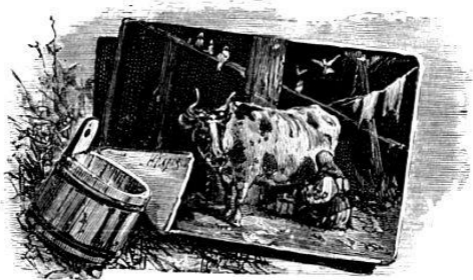
- Не думаю. Запасы на зиму мы собираем точно так же, как и вы; детей своих так же воспитываем; да сверх того, у нас есть такие занятия, которых нет у вас: это молочное хозяйство.

- Да будто уж оно так сложно?..

- А не угодно ли убедиться своими глазами? Чужих мы к себе вообще не допускаем. Но для вас, полковник, сделаем исключение. За безопасность вашей особы я отвечаю своим офицерским словом. Угодно?

Он прямодушно протянул Грызуну свой ус.
Тот крепко потряс его.

- С удовольствием принимаю ваше любезное приглашение.

VI. В КОРОВЬЕМ ЦАРСТВЕ

Царство муравьев-скотоводов лежало по ту сторону муравейника чернокожих. Миновав лесную прогалину, два муравья-атамана пошли опушкой. На пути их стоял роскошный, весь униженный распустившимися розанами шиповник.

- Вот один из рассадников наших, - сказал Сосун. - Пойдите минуточку...

И мигом он влез на шиповник. Грызун с любопытством следил за ним. Атаман скотоводов сидел уже на пышном розане и отцеплял с него светло-зеленую тлю или, попросту сказать, травяную вошь.

- Посторонитесь, полковник!

Грызун едва успел отступить в сторону, как тля упала к его ногам. За нею, с ловкостью гимнаста, соскочил вниз и сам Сосун.

- Надеюсь, не ушиблась, милая? - заботливо наклонился он к тле.

Та, круглая, пухлая, как упала, так и осталась лежать на спине, поворачивая только с боку на бок свою хоботообразную мордочку и болтая по воздуху ногами.

- Глупое создание, право! - заметил Сосун. - Ничего-то не понимает. Низшая порода! Одно слово: корова. Но полюбуйтесь-ка, полковник, что за экземплярчик! Хоть и из простых, зеленых, а как ведь жирна, как сочна! Ну виноград, да и только.

- Так у вас, значит, есть они и других цветов? - удивился Грызун.

- Еще бы. Вот увидите скоро. Но и у этой, я уверен, молоко первый сорт. Прошу отведать.

Он усиком искусно пощекотал тлю. Она тотчас же выделила прозрачную каплю.

- А вы сами что же? - спросил Грызун.

- Прошу, - повторил тот, - вы ведь гость, а я хозяин. После жаркого боя у вас, верно, в горле пересохло?

Грызун с жадностью проглотил заманчивую каплю, потом облизнулся и обтер усы.

- Как прохладительно! - сказал он. - И что за сладость!..

- Дело мастера боится, - с самодовольством отозвался Сосун. - Выбирать скотину не так просто, как, может быть, кажется. Недаром, знать, я окрещен Сосуном, недаром прозван Гу-бой-не-дурой.

- Что же, вы ее тут и оставите?

- Нет, жаль; может, еще пригодится.

Он сунул крошку-тлю, как узелок, под мышку. Инстинктивно чуя, что зла ей не сделают, она доверчиво прильнула к великану-муравью.

Друзья наши шли не торопясь. С приближением к муравейнику скотоводов, их стали обгонять земляки Сосуна, бурые муравьи. Кто тащил зернышко, кто волок иглу или соломинку, кто нес, как Сосун, под мышкой или в зубах живую тлю. Узнавая своего атамана, они почтительно отдавали ему честь и спешили затем далее.

Но вот под сенью векового дуба показался и грандиозный купол муравейника скотоводов. - Перед главными воротами толпа молодых скотоводов забавлялась военной игрой: приподнявшись на задние ножки, они боролись между собой и звонко хлопали друг друга по щекам.

- У вас, стало быть, есть тоже военное словие! - сказал Грызун. - А вы же сами уверяли...

- Нет, это не настоящие воины, как у вас, -

отвечал Сосун. - Это кадеты-ополченцы, добровольцы. Набегов мы никогда не предпринимаем, но каждый обязан защищать свой муравейник. Вот молодежь и практикуется.

Они вошли в муравейник. Попадавшиеся им тут бурые муравьи удивленно оглядывали рыжего муравья, очутившегося в их муравейнике. Но его сопровождал сам атаман их, Сосун, и все молча сторонились.

- Хлебные амбары, я думаю, вас не интересуют? - заговорил Сосун. - Это то же, что и у вас; да к тому же они еще и пусты. Детских наших я вам также показывать не стану; разница только та, что няньки у нас не наемные, а из своих же, бурых.

- А этот коридор куда ведет? - спросил Грызун.

- Это в покои нашей матушки-муравьихи, - отвечал хозяин, понижая голос. - Она у нас, признаться, терпеть не может, когда ее застают над яйцами; а вы притом посторонний...

- Ни за что туда не пойду! - сказал Грызун. - Это такое дело, что можно, пожалуй, сгладить. Мне бы только хотелось осмотреть ваше молочное хозяйство.

- Так прошу идти за мной.

Перед ними раскрылась обширная подземная зала. По всему полу были разложены правильными рядами бесчисленные микроскопические крупинки. Взад и вперед между ними ходили бурые муравьи, то обмахивая с крупинок пыль, то облизывая их языком, то прикладываясь к ним чутким ухом.

- Что это у вас за крупа? - спросил Грызун. - Это не муравьиные ли яйца?.. И к чему они там прислушиваются?

Сосун таинственно улыбнулся.

- А вот сейчас узнаем. Смотрите.

Один из прислушивавшихся муравьев разгрыз вдруг крупинку, и оттуда неуклюже выкарабкалась прехорошенькая малютка-тля!

- Вон оно что! - проговорил Грызун. - Это теленочек?

- Теленок. Вырастим, насколько требуется, в колыбельке и выпустим. А теперь пойдемте-ка посмотреть, как пристроят его к месту.

Муравей-скотник бережно поднял на руки новорожденного и вынес из детской. Оба атамана пошли за ним следом. До сих пор их окружал глубокий мрак, и только благодаря

своему зоркому муравьиному зрению Грызун различал предметы вокруг себя.

Теперь в конце коридора блеснул свет. Они вышли на открытое место.

Сверху, сквозь искусственную расщелину в своде муравейника, проникал скудный дневной свет. Но света этого было довольно, чтобы поддерживать питательную силу мелких растений, покрывавших почву. Это был подземный луг, подземное пастбище.

Муравей-скотник поднес младенца-теленка к свободной травке. Тот пиявкой к ней присосался. Вокруг другие растения были точно также усажены, словно пуговичками, сосущими младенцами-телятами.

- Удивительно!.. - мог только выговорить Грызун.

- Не правда ли? Но это, так сказать, цветочки, а сейчас будут ягодки.

Подземные ходы извивались то вправо, то влево, огибая громадные древесные корни.

- На этих корнях у нас пасется скот зимой; сюда же стоняется он и на ночь, - объяснял Со-сун. - Это наш хлев, это наш скотный двор.

- А где он теперь, ваш скот?

- В поле.

Снова блеснул издали свет, но уже целым потоком лучей. Коридор, поднимаясь круто в гору, вышел, наконец, на поверхность земли, на вольный воздух.

Под легким светом заходящего солнца растилалось зеленеющее поле. Кругом был обведен земляной вал, - очевидно, с целью, чтобы скотина не разбежалась. На листьях же, стеблях и корнях сочных злаков паслась сама скотина, тли-коровы всех видов и цветов: круглые, грушеобразные и плоские, светло- и темно-зеленые, голубые, розовые, белые и даже полосатые.

Грызун был так озадачен, что не мог вымолвить ни слова.

- Теперь вы, надеюсь, убедились, что правильное скотоводство - дело не совсем-то простое? - говорил Сосун. - Подойдите ближе. Заметьте, сколько разновидностей! И одна другой лучше.

- Так что же, у них и молоко даже разное? - спросил Грызун.

- А то как же? Можете сейчас удостовериться.

- Благодарю, я сыт...

- Сделайте милость, не обидьте. Прикажете мне подоить или сами, может быть?..

- Любопытно бы самому...

Они стояли около розовой тли. Грызун кончиком уса легонько прикоснулся к ней. Она послушно тотчас же угостила его бледно-розовым молочком.

- Вкус розы! - воскликнул он.

- Вот видите. А ананаса не желаете ли?

Хозяин тронул усом темно-зеленую корову и у нее выступила капелька зеленоватого оттенка.

- И по духу уж слышно, - заметил Грызун.

- Да вы откушайте, пожалуйста.

Пришлось откусать и ананаса.

- А тут вот наше шампанское: маковая росинка! - продолжал Сосун, подводя гостя к полосатой тле.

- Ей-ей, не могу... - отговаривался гость.

- Демьянова уха? Ну, одну еще капельку только, последнюю.

Что тут делать! Чтобы не обидеть хозяина, надо было приложиться. Но, приложившись, Грызун вдруг откинулся назад головой, схва-

тился за грудь и закатил глаза.

- Не знаю, что это со мной?.. - пробормотал он. - Точно все кругом завертелось, а на душе стало так легко, так уморительно-весело... Сейчас бы, кажется, пустился вприсядку.

- Мак, значит, в голову ударил, - усмехнулся Сосун. - Но ничего, это скоро пройдет. Не правда ли, божественный напиток? А вот и детвора наша, - прибавил он.

На пастбище высыпала теперь из муравейника гурьба бурых дядек. Каждый нес на спине по грудному муравейчику. К одной и той же корове подносилось по несколько младенцев, которые с жадностью упивались выдоенным дядьками молочком.

- Кормленье это производится у нас три раза в день: утром, в полдень и перед сном, - толковал гостю Сосун. - А уж пользительно ли им - сами можете судить: вон, какие все пузаны! Что бы вам пример с нас взять?

- И то уж подумываю... - отвечал серьезно Грызун.

- Да кстати бы и рабство тоже отменить.

- Ну, это будет труднее...

- Однако, попытайтесь?

- Может быть, со временем... Но я у вас, право, непозволительно загостился! Вон, и солнце совсем уж заходить.

- Да вы бы переночевали?

- Нет уж, увольте. И то вам, я думаю, надоел. Нельзя ли мне прямо отсюда, чтобы не ходить опять через весь муравейник?

- Отчего же, можно.

Оба атамана стояли уже на валу.

- Никогда не забуду вашего гостеприимства! - говорил растроганно Грызун. - Милости просим и к нам. Во мне вы приобрели себе самого верного друга. Что бы там ни было - я друг ваш навеки.

В последний раз прижал он нового друга к сердцу и соскочил затем с вала.

До дому, впрочем, Грызун в этот вечер уже не добрался. Утомление ли от дальнего похода и от пережитых днем разнообразных впечатлений, или же предательская маковая росинка подкосила его богатырские силы, - только на полпути он повалился на придорожный мох и заснул, как убитый.

VII. МУРАВЬИНОЕ ВЕЧЕ

Рыжая мать-муравьиха отдыхала опять на пологом скате муравейника. Около нее нежилась на утреннем солнышке ее рыжая свита.

- И где это он запропастился, наш бравый атаман-богатырь? - говорила муравьиха, за-слоняясь рукой от солнца и смотря вдаль.

- Да вот, никак он и идет, - заметил один из свитских.

- Где? где?

- А вон там, у мухомора...

- И то он! Да что это с ним? Идет понурясь, усами размахивает, точно сам с собой разговариваешь... Уж не спятил ли с ума, прости Господи!.. Нет, вот кланяется по сторонам. А народ-то за ним так, вишь, и бежит, так и валит. Работу бросили, победителя встречают! Он говорит им что-то и идет все вперед. А они, вишь, как шальные, бегут вслед за ним, кричат... Что они кричать такое?

- На вече! на вече! - донеслось теперь совсем явственно сквозь смутный гул волнующейся толпы.

- На вече? - повторила муравьяха. - Что ж! народ желает - пойдете, господа.

Ворота были уже запружены напиравшим отовсюду чернокожим населением, так что мать-муравьяха с рыжею свитой не без труда протолкалась внутрь муравейника. Когда они добрались до центральной подземной залы, служившей для подобных вечевых сходов, громадная зала была уже битком набита муравьиною чернью. Посреди залы, на камешке взмогнулся сам муравей-богатырь, Грызун.

- Любезные сограждане, рыжие и черные! - начал он, когда шум кругом понемногу утих. -

После вчерашнего боя я не вернулся вместе с войском... вы догадываетесь, конечно, почему? Бой увенчался полным успехом; но смел ли я один принять все почести благодарного народа? Всякий порядочный муравей добросовестно исполняет долг свой. И могу засвидетельствовать здесь перед лицом целого муравейника, что весь летучий отряд мой, до последнего муравья, вел себя молодецки. За что же одному более почестей, чем другим?..

- Bravo! очень хорошо! - пронеслось одобрительно по многотысячной толпе.

- Задержало меня, впрочем, и нечто другое, - продолжал Грызун. - Я, извольте видеть, повстречался с атаманом скотоводов. Он был так любезен, что пригласил меня заглянуть в их коровье царство, и я не счел возможным отказаться.

- Слушайте! слушайте! - раздалось опять с разных сторон.

- Любезные сограждане! буду говорить откровенно. Хотя между муравьями племя скотоводов и считается вообще не ниже нашего, земледельческого, но в душе каждый из нас, конечно, считает себя выше их. И точно, о

земледелии они и понятия не имеют. Зато молочное хозяйство доведено до такого совершенства, что поспорит даже с нашим земледелием. Да, скажу по совести: меня зависть взяла! «Да что же у них может быть такое?» - спросите вы. А вот что. Каждый из вас ведь тоже не прочь в жаркую пору прохладиться молочком: подвернется корова - ну, как упустить, не подоивши? А там, у них, вообразите, не только содержится постоянный домашний скот, а заведены даже особые питомники телят! И возвращаются у них эти телята всех цветов радуги и самых изящных форм. «Да что проку в этом?» - скажете вы. Прок огромный. С формой и цветом скотины меняется и вкус молока, и какого ни отведаете - пальчики оближете! А есть и такое, под названием *маковая росинка*, что от одной капли охмелеешь, повеселеешь и всякое горе забудешь, и весь свет обнять готов. Но это не все: муравьиная детвора у них ничем иным не кормится, как парным молоком. И посмотрели бы вы, какие все пузыри! А о детских болезнях у них, говорят, и слыхом не слыхать. Так вот что значит образцовое скотоводство!.. Любез-

ные сограждане! хорошее перенимать никогда не поздно. Век живи, век учись. Не послать ли нам кого из нашей молодежи в науку к скотоводам?

Речь молодого атамана произвела глубокое действие. Вся громадная вечерая зала разом зашумела, загудела, как вскипевший над огнем котел. Напрасно почтенная мать-муравьяха возвышала голос, чтобы восстановить тишину. У нее, бедной, была одышка, и тонкий голосок ее совершенно затерялся в общем говоре.

Тут сквозь передние ряды черни протискался вперед невысокий, но дюжий чернокожий.

- Прошу слова, атаман!

Грызун приподнял его за усы и усадил к себе на плечи. Оттуда чернокожий оратор окинул всю аудиторию быстрым взглядом и заговорил:

- Дорогие сограждане! Все мы здесь - и черные, и рыжие, разумеется, с самым живым участием выслушали любопытный рассказ нашего уважаемого атамана-богатыря об путешествии его в коровье царство. Все мы оди-

наково сочувственно отнеслись к его мысли - завести и у нас правильное молочное хозяйство. Но... едва ли я ошибусь, если скажу, что последнее его предложение - идти в науку к скотоводам - не нашло того же сочувствия..

- Верно! слушайте! - раздались отовсюду поощрительные возгласы.

- Ведь это, другими словами: чтобы мы, земледельцы, ходили на задних лапках - перед кем? перед муравьями, не знающими и азбуки полеводства, перед какими-то скотоводами! А ну как, в довершение позора, они ушлют нас еще с длинным носом? Тогда война неизбежна. Так не проще ли начать прямо с этого - с войны? Угнать у них весь скот - и дело в шляпе. Кто за войну - вверх усы!

Вся зала кругом оцетинилась усами.

- За войну, кажется, все единогласно? Итак, остается только выбрать главнокомандующего. Но о выборе, я думаю, теперь и речи быть не может. Один муравей у всех на виду: наш славный атаман-богатырь Грызун.

- Грызуна! - заревела ликующая толпа.

- Любезные сограждане! - заговорил тут, в свою очередь, Грызун. - Я глубоко тронут... я

не знаю, как и выразить свою благодар-
ность... но, расставаясь с атаманом скотово-
дов, я поклялся ему в вечной дружбе. Как ни
ценю я ваше высокое доверие, но должен от-
казаться от незаслуженной чести...

Кругом пронесся угрожающий ропот.

- Ты не имеешь никакого права отказы-
ваться! - запальчиво вскрикнул на шее Грызу-
на чернокожий оратор. - Какое дело нам до
твоих личных отношений к тому или друго-
му? Народ тебя выбрал - и ты должен повино-
ваться.

- Пропустите, господа, мать-муравью! -
послышались тут голоса. - Муравья гово-
рить хочет.

Толпа расступилась, несколько услужли-
вых рук подхватили грузную матушку-му-
равью и поставили ее на камешек, рядом с
Грызуном. Она сострадательно оглядела по-
следнего, обняла его усом и обратилась затем
к народу:

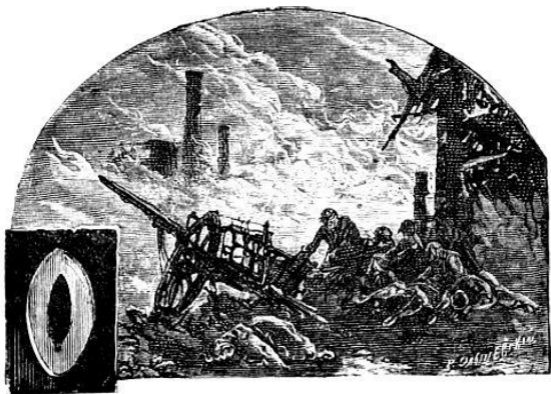
- Милые дети мои, рыжие и черные! Гры-
зун принимает ваш выбор и приложит весь
свой ум, всю свою хитрость, чтобы с наимень-
шей потерей обеспечить нам полную победу.

С закатом солнца он двинет всю нашу боевую армию в поход. Теперь же, на прощанье, общий роздых и двойной паек на брата.

Воздух огласился радостными криками:

- Ай да матушка-муравыха!

И все трое: муравыха, Грызун и чернокожий оратор очутились на руках ликующего народа.

VIII. РАЗГРОМ КОРОВНИКА

Около полуночи армия рыжих переступила уже в строгом порядке границу коровьего царства. Здесь главнокомандующий, остановившись перед фронтом, изложил воинам свой боевой план.

- Вы слышали, ребята, - говорил он, - что наказывала нам мать-муравьиха? Победить с наименьшею потерей. Штурма, следовательно, быть не может. Мы устроим правильную осаду и заставим скотоводов добровольно уступить нам половину своего молочного скота. Чтобы осада была неотразимая, мы возведем вокруг всей столицы их траншею.

Сказано - сделано. Сама природа, казалось, покровительствовала осаждающим: ночь была безлунная, темь непроглядная. Неслышно подступило рыжее войско к неприятельскому муравейнику, неслышно принялось за земляную работу.

На рассвете глазам ничего не чаявших скотоводов представилось диво дивное: весь муравейник их был обведен кругом, как плотным кольцом, высоким валом, а из-за вала

непрерывною щетиной грозно торчали усы рыжего войска.

- К оружию! - пронесся по всему муравейнику боевой клич, - и все способное к военному делу население муравейника бросилось к главным воротам и на городской вал, около пастбища, чтобы остановить вооружение врагов.

Но, к немалому изумлению скотоводов, земледельцы не трогались в своей траншее. Один только рыжий усач вылез из-за вала с зеленою веткой в приподнятой руке и безбоязненно направился к муравейнику.

- Парламентер!

Атаман осажденных, Сосун, с такою же ветвью мира вышел к нему на встречу.

- Вы ли это, полковник? - удивился он, узнав недавнего своего друга.

- Как видите, - отвечал Грызун, - хотя, впрочем, уже не полковник, а генерал, главнокомандующий.

- Не поздравляю, - с презрительной усмешкой сказал Сосун. - Вы этим, видно, хотите отплатить нам за наше гостеприимство?

- Сам я не имею решительно ничего про-

тив вашего народа, а лично к вам, monsieur Сосун, питаю самые теплые, дружеские чувства... - начал Грызун.

- Рассказывайте!..

- Уверяю же вас...

- Так я вам и поверю! Хороша дружба, нечего сказать! Оставьте, пожалуйста, эту дружбу вашу при себе и отвечайте просто: зачем пожаловали?

- Будь по-вашему, - сказал со вздохом Грызун. - Станем говорить лишь о деле. Восхищенный вашим образцовым молочным хозяйством, я имел неосторожность предложить своему народу взять с вас пример. Но в нашем народе преобладает боевой дух. Против моего желания было решено силою отнять у вас скот. Меня выбрали главнокомандующим. Мог ли я отказаться? Но проливать кровь вашего племени я ничуть не желал бы, поэтому предлагаю вам любовную сделку: уступите нам без боя половину вашего скота - и мы, как пришли, так и уйдем.

- Ни одной штуки! - воскликнул Сосун.

- Будьте благоразумны, - настаивал Грызун. - У вас останется ведь половина скота.

При вашем искусстве разводить телят вы, в какой-нибудь год времени, удвоите опять свое стадо.

- Ни одной штуки! - с решительностью повторил Сосун. - Мы веками, неусыпным уходом развили эти редкие породы, а вы, не ударив палец о палец, хотите забрать себе вдруг, ни более, ни менее, как половину того, что мы нажили!..

- Да ведь вы в нашей власти, - доказывал Грызун. - Мы - коренное воинское племя; сквозь цепь нашу вам не прорваться.

- Штурмуйте, если хотите. Мы за себя тоже постоим.

- Нет, штурмовать вас мы не будем, но мы заморим вас голодом.

- О, провианта у нас довольно!

- Ну, этому-то я не поверю. Не сами ли вы, два дня назад, говорили мне, что магазины ваши еще пусты?

- Магазины - да. Но у нас есть образцовое стадо коров; оно прокормит нас хоть круглый год.

- Так вы добровольно не сдаетесь? - спросил Грызун.

- Разумеется, нет.

- Ну, так мы *заставим* вас сдаться!

- Это как же?

- А вот увидите.

Оба военачальника холодно отдали друг другу честь и разошлись.

Вернувшись в свой лагерь, Грызун созвал в траншее военный совет.

- Так и так, - рассказал он. - Они не сдаются. Вскоре, конечно, раскаются, безумцы, но прежде, чем обратиться к крайнему средству, к грубой силе, я думаю испытать еще одну военную хитрость. Дело опасное, и потому я рискую только одним собой. В полночь я отлучусь. Если к рассвету я не вернусь, то, значит, хитрость не удалась и меня нет в живых. Тогда можете избрать из своей среды другого главнокомандующего, и он уже решит дальнейший план действий.

В полночь Грызун в самом деле исчез. Куда? никто не видел. Но за полчаса до рассвета на неприятельском валу поднялась суматоха. Вслед за тем в траншею к рыжим скатился сам Грызун.

При слабом свете предрассветных сумерек

рыжие воины с ужасом увидели, что главнокомандующий их серьезно ранен: левая из задних ног его была начисто оторвана, тело в нескольких местах растравлено едкой муравьиной кислотой.

- Росы... - прошептал он.

Роса была тут же подана, раны обмыты и обложены целебной травой.

Из неприятельского лагеря донеслись жалобные вопли.

- Ага! заметили, небось! - проговорил с усмешкою Грызун.

- Да что вы там натворили генерал? - спрашивали, недоумевая, окружающие.

- Перегрыз им всю траву на пастбище, стебель за стеблем. Теперь у скота их нет корма и они, волей-неволей, должны будут сдаться.

- Да как же вы попали туда?

- А с дерева, вон, спрыгнул к ним вниз. Назад только пришлось идти по земле; ну, и заплатился немножко. Но, друзья мои, я, признаться, устал-таки от работы. Дайте соснуть часок.

Он накрылся одеялом-листочком и тут же забылся богатырским сном. С восходом солн-

ца на неприятельском валу появился с зеленой веткой Сосун. Сон подкрепил Грызуна, и бодрый, как всегда, он пошел к демаркационной линии между двух лагерей, где ожидал уже его Сосун.

- Доброго утра.

- Здравствуйте.

- Сдаются?

- Не безусловно, - отвечал Сосун. - С пастбищем нашим вы подкосили, правда, и нас. Но зимой мы держим скот дома, в коровники, стало быть, с грехом пополам, прокормили бы его и так. Тем не менее, от бескормицы мог бы открыться падеж. Поэтому мы готовы расстаться с половиною скота...

- А мы тотчас же снимем осаду, - прервал Грызун.

- Погодите, дайте досказать. И мы, как и вы, благородные муравьи. Отдать вам без боя половину своего добра значило бы - уронить себя на веки. Бой неизбежен. Но мы не заклятые кровопийцы. Вопрос может быть разрешен и простым единоборством между вами и мною. Победите вы - берите себе без разговоров половину скота; побью я вас - уходите, с

чем пришли.

- Бой, значит, на жизнь и на смерть?

- Ну, разумеется. Согласны?

- Нет, не согласен.

- Так вы трусите?

Грызун, вместо всякого ответа, указал только на то место тела, где у него недоставало шестой ноги.

- Это вас сегодня так изувечили? - не без некоторого участия спросил Сосун.

- Расплата за ваше пастбище! - отшутился Грызун. - Одно другого стоит. Но пять ног, как видите, еще целы и на век мой хватит их.

- Почему же вы отказываетесь драться со мной?

- Потому что, как сами вы говорите, бой должен быть на жизнь и на смерть. Дать убить себя - значило бы предать своих; убивать же вас я не желаю.

- Что за великодушие?

- Не великодушие, а дружба. Я поклялся вам в вечной дружбе и никогда не подниму на вас руки.

Сосун хотел уже, казалось, протянуть верному другу свой ус, но воздержался.

- Как знаете, - холодно сказал он. - А так мы ни за что не сдадимся.

- Мы подождем. Нам некуда спешить.

Грызун готов был ждать. Но его воинственная армия не разделяла его миролюбивого взгляда. Осада продолжалась день, другой, третий, а осажденные и не думали сдаваться. Напротив, каждую ночь они делали отчаянные вылазки. Выбить рыжих из их траншеи им, конечно, не удавалось: всякий раз они отступали с уроном; но эти нападения раздражили боевые инстинкты рыжих до последней крайности. До слуха главнокомандующего доходил уже явный ропот. Сегодня войско его еще слушалось; завтра, быть может, оно, не спросясь его, бросится на приступ. Оставалась только последняя мера.

С наступлением сумерек, лучшие землекопы рыжих были призваны к тайной земляной работе. В течение ночи они должны были прорыть брешь в муравейник. По точному исчислению Грызуна, брешь должна была прийти как раз к месту подземного коровника. При нападении врасплох можно было угнать оттуда добрую половину скота без се-

рьезного кровопролития.

Так рассчитывал Грызун. Но он не принял в расчет воинственного духа своего войска.

К утру брешь, действительно, была пробита. Но в тот же миг землекопы обратились уже в воинов и с диким боевым криком ворвались в коровник. Крик этот для всей армии был сигналом к общему штурму. В несколько минут городские ворота были взяты, городской вал занят. Рыжие победители вторглись уже в самый муравейник, и бурые хозяева, слабо только отбиваясь, искали спасение в отдаленнейших закоулках города.

Так главная сила бедных скотоводов скопилась в коровнике. Теснимые рыжими, они прибывали туда все новыми массами. Напор стал, наконец, так силен, что проникшие в коровник сквозь брешь землекопы рыжих не могли уже устоять. Они были вытеснены назад и смяты. Роковая брешь обратилась теперь для скотоводов в спасительный выход, в отдушину, в которую живым потоком полилось из муравейника все коренное его население. Но, оставляя город свой на разграбление победителям, скотоводы не забыли-таки за-

хватить с собой свой молочный скот. У каждого беглеца в зубах или под мышкой было по малютке- корове.

- Держи их! лови! отнимай коров! - кричал вне себя Грызун, выброшенный вместе с своими землекопами из бреши.

- Стой, разбойник! защищайся! - раздался тут за спиной его громовой голос.

Сзади наскочил на него Сосун и крепко обхватил его вокруг стана. Грызун не думал защищаться и тот разом разгрыз его пополам. Оторванная от брюшка передняя часть туловища муравья-богатыря с головой и ногами судорожно трепетала и извивалась по земле.

- Отчего же вы не защищались, генерал? - в отчаянии говорил Сосун.

- Оттого, что хотел быть верен своему слову... - прошептал умирающий. - Мое дело все равно проиграно... Я не жилец на этом свете... А вы, пока можно, спасайтесь...

И, с последним напряжением угасающих сил, он вполз в земляную скважину. Сосун последовал совету неприятеля-друга и, в самом деле, успел спастись. Прибывшие на выручку своего главнокомандующего рыжие воины с

недоумением озирались кругом: главнокомандующий их исчез куда-то бесследно.

Прошли года со времени достопамятного разгрома коровника. Изгнанные оттуда муравьи-скотоводы возвели себе на чужбине новый муравейник, завели новый коровник и скотоводство у них процветает чуть ли не лучше прежнего.

У муравьев-земледельцев все также по-прежнему: то же образцовое земледелие, тот же воинственный дух и то же рабство. Грызун был прав: дело его было безнадежно проиграно. Уведенный его армией скот в короткое время весь передох от неумелого ухода.

Но память о Грызуне, славном муравье-богатыре, еще свежа в его народе. О подвигах его сложилась целая легенда. Как подобает герою, он не умер обыкновенною смертью. После славного разгрома коровника он, бессмертный герой, растворился внезапно в золотых лучах солнца. Так гласит, по крайней мере, муравьиная легенда...